

Беларуская філалогія: зб. навук. прац маладых вучоных філ. Фак., прысвеч. 90-годдзю БДУ / Беларус. дзярж. ун-т; рэдкал.: П.І. Навойчык і інш. – Мінск: Выд. цэнтр БДУ, 2011. – С. 28–33.

*Зуева О.В. (Мінск)*

## **Лингвостилистические особенности частных светских писем XI – XVII веков**

Одной из задач изучения средневековой русской эпистолографии с точки зрения исторической стилистики является установление корреляций между разновидностями посланий и типами письменного языка XI – XVII вв. В посланиях представлено широкое варьирование лингвистических (прежде всего, грамматических) средств, отражающее дихотомию «книжное – некнижное языковое явление». Анализ фактического материала в свете концепции регистровой стратификации средневековой русской письменности позволяет расширить данное противопоставление до четырехчленного и соотнести стиль отдельных разновидностей посланий с типами письменного языка: церковнославянского строгой нормы, гибридного, делового, бытового. Указанное варьирование, сохраняющееся в диахронии, выступает основным дифференциальным стилистическим признаком писем.

В настоящей статье анализируется стилистика грамматических средств языка частой светской (бытовой, деловой, фатической) переписки XI – XVII вв. – самой многочисленной группы русских эпистолярных памятников донационального периода. Предметом наблюдений над **стилистически маркированными языковыми средствами** стали единицы и явления, принадлежащие к разным ярусам языковой системы: а) **синтаксис**: на уровне языковых ресурсов – способы выражения побуждения, средства оформления подчинительных отношений в составе сложных предикативных конструкций: условных, целевых, временных, определительных; на уровне текста – организация сообщения (способы развертывания высказываний, выражение связности мысли, степень риторической обработанности письма; использование метатекста); б) **морфология**: система претеритов, формы презенса 2 л. ед.ч. и инфинитива, падежные флексии существительных, морфологические чередования в глагольных и именных формах, флексии прилагательных м.-ж. р. ед.ч., формы числа при назывании двух объектов. Наблюдения над морфологическими единицами проводились с учетом двух факторов: временного (степень архаичности явления) и генетического (южно- либо восточнославянское происхождение явления). Анализ стилистики морфологических средств занимает подчиненное положение относительно анализа синтаксической стилистики писем. Преимущественное внимание к синтаксису писем обусловлено тем, что именно синтаксис является

высшим уровнем языка, непосредственно отражающим авторскую логику порождения текста, менее зависимым, в сравнении с морфологией, от временного фактора.

**1. Языковые ресурсы стилистической дифференциации писем.** Основным способом выражения *побуждения* в частных письмах выступает стилистически нейтральный императив: *взьми оу господыни три на десяте резане*, XII в. [Зализняк 2004: 285] (здесь и далее текстовые примеры приводятся в упрощенной орфографии: юсы заменены на я, у; ять – на е; омега – на о; не используется графема *i*); *Пиши ко мне про свое здорове*, 1670 г. [Котков 1964: 68]. Стилистически маркированные разговорные обороты используются не так широко, например, безличные предложения с зависимым инфинитивом: *добро бы тебе меня жаловат[ь]*, XVII в. [Котков 1964: 110]. Инфинитив на *-ть* абсолютно преобладает в поздних старорусских текстах; книжные формы типа *радоватися*, *здравствовати* используются преимущественно в составе устойчивых оборотов, они являются стилеобразующими, но экспрессивной маркированности не несут.

Книжный оборот *да* + презенс в светском общении всегда отличается экспрессивностью; оборот отмечен только в письмах духовных лиц и только в устойчивых контекстах, сообщающих о сакральных понятиях: *Господь бог паки да подасть ему познати истину*, 1382-83 гг. [Послания 1978: 204].

**Условные** конструкции широко представлены в берестяных грамотах делового содержания в сочетании с предшествующим и последующим императивными оборотами: *оже еси продало порты а коупи ми жита* ('Если ты продал одежду, купи мне ячменя'), XIII в. [Зализняк 2004: 521]. В грамотах представлены только народно-разговорные союзы. В текстах XVI–XVII вв. условные отношения реализуются редко; в бытовых письмах их репрезентация ограничена, в основном, устойчивой формулой сообщения о себе, выражаемой бессоюзной либо формально сочинительной полипредикативной единицей: *а про меня изволишь ведат и я по троицын день въ селце Титовском жива* [Грамотки 1969: 55]. В деловых посланиях преобладает союзное подчинение. Обороты с книжным союзом *аще* отмечены только в письмах гибридного и книжного регистров, адресанты которых связаны с церковью.

**Целевые** отношения регулярно реализуются в составе стилистически нейтральной формулы мотивации призыва писать: *[Отпиши же ми ко мне,] дати ми сведомо, как еси*, 1382-83 гг. [Послания 1978: 204]. Некнижные формы *чтобы* + л-причастие и *чтобы* + инфинитив выражают целевые значения (иногда синкретичные с объектными) также в большинстве неэтикетных контекстов: *молися ем что бы конь купилъ*, XIV в. [Зализняк 2004: 550]. При сообщении сакральной информации в письмах гибридного регистра духовных лиц используется церковнославянский

оборот *да* + презенс: [*Молитесь о мне*], *да избавлюся от нихъ* [бесов], XVII в. [Письма 1988: 541].

Союз *какъ* (*како*) является основным средством связи в сложных предикативных единицах со значением **времени** в берестяных грамотах и грамотках XVI – XVII вв. Книжный союз *егда* отмечен в письмах, как правило, в цитатных фрагментах либо при пересказе религиозных преданий. Язык таких фрагментов гибридный: *Егда седе на царство онъ, и пришедши неции христолюбцы в пустыню ко святому Михаилу, рабу божию, и возвестиша ему: «Иной царь-государь воцарился ныне после отца своего», 1660-е гг.* [Письма 1989: 489].

Отношения **сравнения** и **образа действия**, не имеющие широкого распространения в синтаксисе частных писем, в большинстве источников передаются стилистически нейтральным наречием *какъ* (*како*), с которым могут соотноситься наречия и местоимения *такъ* (*тако*), *то*: *како есмь порядилесе тако и живу*, к. XIV – нач. XV вв. [Зализняк 2004: 659]. В поздних старорусских текстах отмечены разговорные союзы *что*, *кабы*, *будто*; книжные союзы *яко*, *якоже*, *елико* употребляются либо в составе формул, либо, в единичных случаях, в бытовых контекстах, свидетельствуя о владении автором книжной культурой.

Для выражения **определятельных** отношений используются союзные слова *который*, *кто*, *кои* (нейтральные стилистически), *что* (разговорное), разговорный союз *чтобъ*, соотносимые с местоимениями *такой*, *весь*, *тотъ*, например: *оу котораго ти сыноу вѣр[ь]шь повели оти отъдадя датъ марене* ('Тому из твоих сыновей, у которого есть зерно, прикажи, чтобы отдали дань Марене'), XII в. [Зализняк 2004: 321]. Книжное местоимение *иже* отмечено в трех письмах XVI – XVII вв.; оно употреблено в правильной грамматической форме, вне связи с торжественным или сакральным контекстом, и отражает образованность адресанта.

Наблюдения над морфолого-синтаксическими ресурсами писем позволяют сделать вывод о преобладании в текстах народно-разговорных языковых единиц; введение книжных средств связано с церковной принадлежностью авторов писем либо этикетностью контекста – последняя особенно характерна для писем монархов.

**2. Приемы организации текстов писем.** Одним из признаков повествовательных текстов является организация сообщения посредством «цепочечного нанизывания» предикативных единиц. Эпистолярные материалы показали, что такое нанизывание известно частному бытовому общению: *али цимо есемо виновата а восоли отроко а водале ми еси хамеце а ци за то не даси а восоли ми вестъ*, 'Если я что-нибудь должна, то посылай отрока. Ты дал мне полотнишко', XII в. [Зализняк 2004: 267]. В письмах бытового и гибридного регистров отмечены обороты с повтором предлогов – черта делового и народно-разговорного языка: *оу максима оу*

ключника [Зализняк 2004: 550]; еду к сыну своему, ко князю к великому... [Послания 1978: 195] – примеры XIV в.

Яркая стилистическая особенность частной деловой переписки, особенно писем приказчиков, – высокая частота использования обращений. Обращения нередко вводятся избыточно; распространена их позиция между двумя словоформами – определяющей и определяемой – типа *некоторые гсдрь подводы малые, свою гсдрь рыбу* [Грамотки 1969: 189]. В старорусских письмах священнослужителей и текстах, имитирующих манеру духовных посланий, используются формы звательного падежа: *А послание, что к тебе писано, брате Иоанне, отъ меня* – но далее: *И ты, братецъ Иванъ, порадей...* [Письма 1989: 489].

Всякие послания как форма письменной коммуникации подвергаются риторической обработке (минимум путем использования в них жанрообразующих формул), поэтому разговорная речь в принципе может быть представлена в них только отдельными элементами. На фоне других видов посланий частные светские письма отражают спонтанную речь относительно широко. Эти тексты фиксируют следующие **признаки разговорной речи**:

а) начальная позиция темы сообщения: именительный падеж «темы»: *[И отписать на какие платна про себя надобны нашивки], а образец – то я узнаю по платну* [Галактионов 1968: 42]; вводные предложения «темы»: *А што старость тебя твоя пострашит: и о животе и смерти имеам промысленника и строителя – истинного всех бога* [Галактионов 1968: 36] – все примеры XVII в.;

б) сообщение добавочной информации: вставные предложения: *...отпиши матушка била челом как тетушки не стало Параскови Костентиновны и кое число*, XVII в. [Котков 1964: 81]; парцелляция: *се послахове <...> и тетереве и кълъбасоу а коня 2 и сторова*, XII в. [Зализняк 2004: 311];

в) речевая недостаточность – неполнота высказываний: *и ты до углеца и ту пакъ дружина* ('Так что ты [посылай] до Углича, и как раз туда [едет] дружина'), к. XIII в. [Зализняк 2004: 512];

г) инверсия и отсутствие грамматического согласования компонентов высказывания, например: *Да иные, которые челобитчики были о тебе, взяты*, 1653 г. [Письма 1874: 31].

**Элементы книжной организации текста** представлены в единичных письмах образованных лиц; язык посланий – в основном, церковнославянской сниженной нормы:

а) повтор союза *же*: *Буди же вам сведомо <...> Иду же, якоже иногда Иосиф от отца послан <...> аз же святитель есмь*, 1378 г. [Послания 1978: 195].

б) противопоставление, в том числе градационное: *не словесы, государь, токмо, но и дела исправляеши*, 1653 г. [Письма 1874: 27].

в) риторический вопрос: *...вся тебе возведу. Или кто тебе инъ возвеститъ слово виденіемъ, или писаніемъ?* 1653 г. [Письма 1874: 28];

г) грамматический параллелизм, а именно повтор синтаксических конструкций при единообразном архаизированном морфологическом оформлении входящих в них лексем: *Молитва бо Петра ис темницы избави, молитва Иону из чрева китова изведе, молитва триехъ отроковъ от огня свободы, молитвою Анна Самоила породила, молитвами вси святии спасахся*, XVII в. [Письма 1988: 541].

В бытовых и деловых письмах представлено незначительное количество метатекстовых вербальных средств. Переход от зачина к семанте и введение новой темы может маркироваться оборотами типа *вестно тебе чиню, что...*; *буди тебе ведомо* и др. Конструкции типа *известно тебе что...*, *ведаеш, веси бо...* маркируют также цитирование прецедентного текста, однако их введение ограничено небольшим числом соответствующих контекстов. На завершение письма указывают конструкции *по томъ, за симъ, за симъ/по томъ писавый* в препозиции относительно блока прощание. Среди средств актуализации внимания адресата частотны только обращения, а также формула *а о насъ ведать изволишь*, вводящая этикетную информацию о себе. Употребление иных средств организации текста окказионально, представлено только в созданных на гибридном языке письмах образованных людей.

**Выводы.** Среди всех типов средневековых посланий частные светские письма характеризуются наибольшим стилистическим варьированием. Видовая типология частных писем, в целом, соотносится с их лингвостилистическими различиями: большинство светских текстов бытового и делового содержания написано на народно-разговорном языке; духовные письма созданы на книжном языке строгой и сниженной нормы.

Проявление в языке письма разговорных или книжных черт не зависит от структурной части текста, при этом зависимость степени книжности письма от сферы и темы общения устанавливается регулярно. Диахронические изменения в типичных стилистических характеристиках писем не обнаружены. На стиль языка посланий влияют конкретный предмет изображения в рамках темы, роль используемых языковых средств в организации содержательной структуры текста, характер контекста (устойчивый – оригинальный, речь автора – «чужая речь»), социокультурный статус адресанта, цели воздействия на адресата. В письмах отражается частая интерференция авторских «речевых навыков» – разговорного и книжного; этот признак характеризует только переписку образованных людей, так как лишь их коммуникативные навыки дифференцированы.

Грамотки XVII – нач. XVIII в. / изд. подгот. Н.И. Тарабасова, Н.П. Панкратова ; под ред. С.И. Коткова ; АН СССР, Ин-т рус. яз. – М. : Наука, 1969.

Зализняк, А.А. Древненовгородский диалект / А.А. Зализняк. – М. : Языки славянской культуры, 2004.

Котков, С.И. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII – нач. XVIII веков / С.И. Котков, Н.П. Панкратова. – М. : Наука, 1964.

Письма протопопа Аввакума семье // Памятники литературы Древней Руси. XVII век : в 2 кн. / сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. – М. : Худ. лит., 1988–1989. – Кн. 1. – 1988. – С. 540–544.

Послания митрополита Киприана // Прохоров, Г.М. Повесть о Митяе : Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы / Г.М. Прохоров ; АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). – Л. : Наука, 1978. – С. 195 – 204.

Письмо дьяка Федора Иванова семье протопопа Аввакума // Памятники литературы Древней Руси. XVII век : в 2 кн. / сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. – М. : Худ. лит., 1988–1989. – Кн. 2. – 1989. – С. 488–490.

Письмо священника Ивана Данилова протопопу Ивану Неронову // Материалы для истории раскола за первое время его существования : в 8 т. – М. : Типография Т. Рис, 1874–1886. – Т. 1. – 1874. – С. 26–34.